

“МК” КУПИЛ ФОТОГРАФИИ ЕСЕНИНА

Моск. комсомолец. - 1997. - 7 окт. - с. 3

На снимке Р. Кармена отчетливо видны пустая глазница и след на лбу от удара тяжелым предметом.

Сто второй день рождения одного из лучших российских поэтов Сергея Есенина был отмечен не только традиционной литературоведческой конференцией с обсуждением и представлением очередных изысканий в давно изученном творчестве поэта. Глав-

ной “праздничной” сенсацией стал благотворительный Есенинский аукцион, впервые проведенный в рамках конференции в Институте мировой литературы имени Горького. Сенсационность аукциона составлял даже не сам странный факт торговли вокруг поэта, а всего два лота

— четыре фотографии Романа Кармена, сделанные им на следующий день после смерти Есенина, и гипсовая копия его посмертной маски.

Аукцион начался традиционной сермяжно-сладкой речью главного есениноведа Юрия Прокушева. На возглас из зала, в чем, собственно, состоит “благотворительность” и в чей адрес она будет направлена, Прокушев дал ответ настолько невнятный, насколько это вообще возможно: “В помощь фонду, в помощь отдельным писателям, на издание книг...”. Видимо, именно это и стало причиной того, что стартовые цены многих лотов были без предупреждения взвинчены во много раз до начала аукциона.

Аукцион раскручивался довольно вяло. До первой сотни лотов особого интереса не вызывали, за исключением, может быть, автографов Бунина и пары-тройки старинных гравюр, и снимались через несколько секунд после их объявления. Как ни странно, были сняты и вполне ценные с букинистической точки зрения лоты: не была продана даже посмертная маска Есенина.

Как рассказал корреспонденту “МК” **Михаил Айвазян**, руководитель сектора рукописей ИМЛИ, отвечавший за организацию аукциона, “есенинские” лоты на аукцион представляли самые неожиданные люди.

— Вы понимаете, большинство людей, владеющих автографами Есенина, нам известны. Все они давно пересчитаны, переписаны, и, как правило, расставаться с ними не желают или не желают делать это аукционным путем. Но во время подготовки этого аукциона у нас начали появляться люди с автографами, о которых мы и понятия не имели. Например, пришла женщина с запиской

Есенина к Бениславской. Ее отец, как она рассказала, был известным врачом. Уже после его смерти она случайно раскрыла одну из книг, а в ней лежала эта записка. Мы умоляли ее назвать свою фамилию, чтобы раскрыть, как именно эта записка попала в их семью, обещали занести во все анналы, но она отказалась.

Как рассказал “МК” Михаил Арамисович, в зале были практически все известные есениноведы, “сумасшедшие” коллекционеры, приехал даже главный поставщик букинистического рынка в Нью-Йорке, но большинство из них практически не проявило никакой “покупательной” активности. В кулуарах же корреспонденту “МК” сообщили массу интересных подробностей. Например, сняты лоты, конечно, возвращаются владельцам, если только их никто не купил по окончании аукциона. По существующим правилам после аукциона любой снятый лот продается с наценкой в десять процентов от стоимости. Надо полагать, что по сравнению с возможными аукционными шагами крошечная надбавка ничего не стоит. Так что, вероятнее всего, и маска, и автографы, и большинство книг и предметов, связанных с Есениным, были куплены, и куплены постфактум. Хотя на многие лоты желающих оказалось даже больше, чем присутствующих в зале: “заочники” оставляли деньги своим посредникам (и в числе организаторов), называли конечные суммы и — покупали нужные вещи, не раскрываясь.

Самый ценный лот №88 — те самые четыре фотографии Романа Кармена. “Московский комсомолец” купил эти фотографии для своего музея. Документы не должны уходить в частные руки. За прошедшие семьдесят лет вокруг Есенина скопилось небывалое ко-

Посмертную маску поэта на аукционе никто не купил.

личество людей, сделавших себе имя, состояние и общественное положение на его смерти. Желающих “поддержать” госверсию о самоубийстве поэта было немало. Карменовские же фотографии достаточно четко показывают обратное: даже под ретушью, сделанной самим Карменом, видны травмы на лице Есенина, которые невозможно нанести себе самому. Возможно, именно они смогут раскрыть реальные обстоятельства гибели поэта.

Анна КОВАЛЕВА.